

“Проработка” Пастернака

Кудьмтура. — 1998. — 22-28 окт. — с. 6

40 лет назад автора “Доктора Живаго” исключили из Союза писателей

Сейчас уже мало кто даже из старшего поколения россиян помнит, что тон в начавшейся в октябре 1958 года шумной кампании против Бориса Пастернака задал, как ни странно, тогдашний лидер советского комсомола Владимир Семичастный. Справедливости ради надо сказать, что сделал он это не по своей воле. Обличение Пастернака было поручением высшего партийного руководства страны, и уклониться от него Семичастный, естественно, не мог. Владимир Ефимович, занимавший в жизни много высоких постов, возглавлявший в течение 6 лет (1961 – 1967) КГБ СССР, давно уже, что называется, не у дел. Ему скоро исполнится 75, но память надежно хранит малоизвестные подробности событий минувших лет, свидетелем и непосредственным участником которых он был.

Я стал первым секретарем ЦК ВЛКСМ в 1958 году, — рассказывает Владимир Семичастный. — А уже спустя несколько месяцев именно мне было доверено развенчать Пастернака. Почему выбор пал на меня, и как это произошло?

Случилось это неожиданно для меня самого. В октябре 1958 года должно было отмечаться 40-летие ВЛКСМ. Я готовился к докладу на торжественном собрании во Дворце спорта в Лужниках. В эти дни как раз и пришло сообщение о присуждении Пастернаку Нобелевской премии за “Доктора Живаго”. Я не собирался ничего говорить по этому поводу в своем докладе. Но получилось иначе. Неожиданно звонит Хрущев: “Возьмите Аджубея и приезжайте оба ко мне в Кремль”. Приехали, заходим к Хрущеву. В кабинете — он и Сулов. Хрущев говорит мне:

— Вы завтра с докладом выступаете?

— Да.

— А вы не могли бы в докладе проработать Пастернака? Сейчас мы пригласим стенографистку, она запишет то, что я скажу. Потом вы с Аджубеем отредактируете, покажете Сулову и вставите этот текст в доклад.

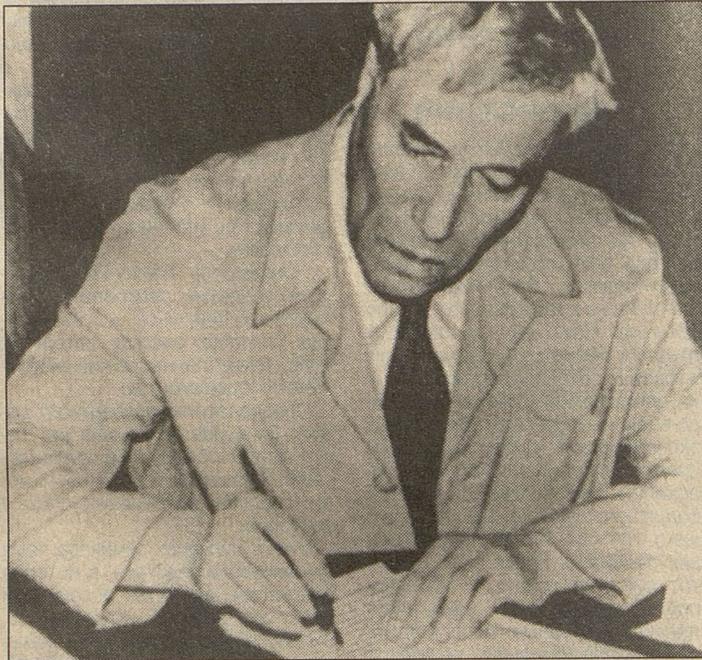
Пришла стенографистка. Хрущев начал диктовать. Я не помню дословно то, что он говорил, но смысл его экспромта, обращенного к Пастернаку, был таков: “Вы выросли в этой стране, на этой земле, а теперь плюете на все вокруг. Так даже свинья не делает. Если вам так нравится воздух на Западе, то правительство не будет возражать, если вы уедете”.

Меня смутило, что придется говорить от имени правительства, и я сказал об этом Хрущеву. Он ответил так:

— Пусть вас это не смущает. Вы скажете, а мы вас поддержим аплодисментами. Мы же будем находиться в зале, в президиуме.

ке аплодисментами, шквал их пронесся по всему залу. Через два дня Союз писателей исключил Пастернака из своих рядов, а сам он написал письмо в “Правду” примерно такого содержания: “Мне стало известно из выступления Семичастного, что правительство не будет возражать, если я покину Родину... Я отказываюсь от Нобелевской премии и остаюсь в своей стране, не хочу покидать ее”. Вот и вся история с Пастернаком.

Думаю, что, если бы Пастернак не передал “Доктора Живаго” за рубеж и не получил Нобелевской премии, никакого шума

Б.Пастернак. 1958 г.

На том и порешили. Трехстраничный текст Хрущева мы с Аджубеем отредактировали, сократили до одной страницы и показали Сулову. Тот одобрил, и я с большим трудом втиснул этот антипастернаковский выпад в доклад, который явно отличался по тональности от остального текста — праздничного, торжественного.

Должен сказать, что я в то время “Доктора Живаго” не читал, но речь в данном случае шла не о содержании книги, а о том, что Пастернак тайком передал ее за границу. Именно это и ставилось в вину автору.

И вот я выступаю с докладом перед заполненным до отказа огромным залом. В президиуме — все правительство во главе с Хрущевым. Как и обещал Никита Сергеевич, руководство страны встретило мои слова о Пастерна-

не было бы. Схожая ситуация случилась через 7 лет, уже в бытность мою Председателем КГБ. Судили Даниэля и Синявского за то, что они скрытно передали за границу свои произведения, опубликованные под псевдонимами. Тогда это считалось преступлением — в уголовном кодексе существовала специальная статья, и в соответствии с ней оба были осуждены. Один на 5, а другой на 7 лет. К счастью, Пастернак избежал уголовного наказания или высылки. Сыграл роль авторитет писателя, сам факт присуждения ему Нобелевской премии. Преследование Пастернака вызвало бы нежелательную реакцию за рубежом, и это, конечно, учитывалось.

Записал
Валерий АСРИЯНЦ